

Косматных слов,

ЛЮБИМАЯ

АННА ДЖЕЙН

АННА ДЖЕЙН

Косматных снов,

ЛЮБИМАЯ

TREND
BOOKS

*Моим новым друзьям, которых я узнала
благодаря написанию этой истории.*

— Твой страх самый сладкий.

— Твое безумие самое притягательное.

ПРОЛОГ

— ГАДКАЯ ЛЮБОВЬ, гадкая, гадкая, гадкая, — шептал он, водя пальцем по ее щеке.

Его голос был глумливым и то исходил приторной нежностью, то источал злую усмешку. В узком заостренном лице, обрамленном угольными волосами с проседью, осталось мало человеческого. Тонкие и правильные некогда черты исказились, в лиловых глазах искрило безумие. И все вокруг казалось безумным сном. И отдающие эхом своды стен. И выющиеся тени вокруг. И звуки музыкальной шкатулки. И легкий аромат полыни, аниса и пряностей, словно кто-то только что разлил абсент. Однако разлито было сумасшествие. Оно впиталось в пол, поднялось к потолку, вьелось в стены. Миллиардами молекул разлетелось в воздухе. Попало в кровь. Осело в душе алым румянцем.

«Пам-пам... Пам-пам-пам... Пам... Пам-пам-пам-пам...» Музыка каплями падала в вязкую тишину. Крепко связанная девушка, сидевшая на стуле перед молодым мужчиной, смотрела в его жуткое лицо со смесью страха и отвращения. Губы ее были разбиты, под спутанными длинными во-

лосами запекалась темная кровь. Пульс частил. На висках крохотными капельками выступал пот.

Ей было страшно. Очень страшно. Так страшно, что душа трепетала в солнечном сплетении, мышцы заледенели (ударь — рассыпаются), а глаза заволокло холодными слезами. Только она их не чувствовала. Она вообще больше ничего не чувствовала, кроме его пальцев и дыхания на своей коже. И всепоглощающего страха. Ей казалось, она привыкла к страху. Но она ошибалась. К страху смерти привыкнуть нельзя. «Господи, почему?..»

— Ты пла-а-ачешь, — протянул мужчина нежно и стер слезы с бледной щеки, а после с задумчивым видом слизнул их с пальца. Склонил голову к плечу, устремив глаза в высокий потолок, — ни дать ни взять гурман, распробовавший вкусное блюдо. — Сладко, — сообщил он и принялся собирать слезы губами — с лица, шеи, ключиц, не прикрываемых больше футболкой — так сильно она порвалась.

От каждого этого мучительно долгого прикосновения девушку передергивало. Казалось, там, где побывали его губы, кожа начинала зудеть. А мужчина как будто ничего не замечал. Ему нравилось делать с ней это. Ему нравился ее страх. Дыхание его стало прерывистым, тяжелым, и пару раз он прикусил ей кожу — так, что слезы смешались с кровью. Ее кровь пьянила его. Ее запах сводил с ума — хотя, казалось, куда уж больше?

— Ты слишком сладкая, Кэнди. Чересчур.

Он положил указательный палец на ее нижнюю губу, оттягивая вниз и обнажая ровные белые зубы. И облизнулся довольно.

— Воссоединение... Я так скучал. — Его голос был все таким же глумливым. — А ты скучала, Кэнди?

— Пожалуйста... — прошептала девушка едва слышно. — Пожалуйста...

— О чем ты просишь? — приложил он ладонь к уху, делая вид, что не слышит.

— Отпусти, пожалуйста... Пожалуйста.

Ей было так страшно, что каждый звук давался с трудом. Лиловые глаза сверкнули. Ее похититель откинулся на спинку стула, сложив руки на коленях.

— Не могу, — честно признался он и потер подбородок. — Или... Да-да-да...

Тонкие губы растянулись в глумливой улыбке, на щеках появились ямочки — такие бывают лишь у веселых людей, которым часто приходится смеяться. Но кому нужны чертовы каньоны на щеках, если в глазах помешательство?

— Поцелуй меня. До головокружения. Сама. Тогда отпущу. Как тебе идея? Нравится?

Он ласково коснулся ее оцарапанного колена и с сожалением убрал руку. Девушка часто закивала, согласная на все, лишь бы выбраться отсюда живой. В ответ она получила улыбку, в которой обаяние было смешано с уродством. Как виски с колой.

— Сладко целуй, Кэнди.

Шкатулка замолчала. Мужчина, дернувшись, схватил ее и вновь повернул ключ несколько раз. Приложил к уху, чтобы музыкальная капель зазвучала вновь. «Пам-пам... Пам-пам-пам... Пам...

Пам-пам-пам-пам...» Жуткая колыбельная проби-
рала до костей.

— Правда отпустишь? — немигающим взгля-
дом уставилась в страшное лицо девушка.

Темные спутанные волосы закрывали ей пол-
лица. Из-за запекшейся в уголках губ крови ка-
залось, что они опущены вниз. Ссадина на щеке
была похожа на длинный шрам. Она и сама сейчас
выглядит сумасшедшей.

— Я тебе лгал? — пожал плечами мужчина, су-
нув руку в карман балахона.

В полутьме, поймав один из бликов, блеснуло
острое лезвие ножа. Девушка инстинктивно сжа-
лась, поняв, что это — конец. Она зажмурилась,
но... Но нож не коснулся ее плоти — разрезал
лишь веревки, освобождая тяжелые, затекшие руки
и ноги. А после со звоном полетел на пол. Ее натя-
нутые нервы так же звонко резонировали в ответ.

— До головокружения, — напомнил учитель-
ским строгим голосом мужчина и вновь сел на стул
напротив. Он устало откинул назад длинные чер-
ные волосы, а после молча коснулся пальцем тем-
ных узких губ, незамысловато давая понять, чтобы
она начинала.

Он ждал. Предвкушал. Наслаждался моментом.
И глаза его заволокло от желания. Девушка мед-
лила. Ее трясло от страха, затекшие руки не слу-
шались, однако она верила, что это может стать ее
шансом. Шансом на спасение. И она должна прео-
долеть и слабость, и страх, и отвращение, и сделать
то, что он просит.

Должна?.. Должна. Должна! Неловко подавшись вперед, девушка, зажмурившись, коснулась его страшных губ с ощущением, что целует огромного говорящего паука или змею с человеческими глазами. Ей казалось, что за стиснутыми зубами кишат отвратительные личинки. И они только и ждут, чтобы из его рта попасть в ее и найти дорогу в пищевод.

Ее затошнило от собственных мыслей и страха. Ужас плотной навязчивой пеленой окутал тело, и сердце готово было взорваться от частых ударов, но... Ничего страшного не произошло. Ни боли, ни омерзения. Горячие мужские губы. Она ощутила на них легкий, едва уловимый металлический привкус. Его перебивала полынь — как будто он недавно пил абсент.

Горько... И притягательно — только признаться в этом не было сил. Он сводил ее с ума, похитил (или сделал так, чтобы она сама пришла к нему?) и скоро лишит жизни. Есть ли в этой болезненной страсти смысл? Ни нежности, ни симпатии, откуда взяться наслаждению?.. Она сходит с ума.

Девушка отстранилась. Глаза ее блестели, темные пряди прилипли к влажным щекам и шее, ноздри трепетали. Мужчина едва заметно покачал головой. Не удовлетворен. Он просил целовать до головокружения. Но как? Ведь сам он не отвечал, оставаясь неподвижным. Демонстративно глядя в сторону. Наслаждаясь ее тщетными попытками. Ее слезами. Ее унижением. И она знала это.

Страх приливал к голове вместе с кровью, затмевая разум. Нужно выжить. Любой ценой. Отомстить. Рассказать правду. С этими мыслями девушка коснулась кончиками ноющих пальцев его щеки, как будто раздумывая, что делать. Потом встала на затекших негнущихся ногах и, едва не упав, села к нему на колени, ненавидя и мечтая, чтобы он упал замертво... прямо сейчас... прямо здесь... оставив ее в покое...

Он выглядел как псих. И действовал как ублюдок. Но если отбросить все это, по ощущениям казалось, что он — обычный мужчина. Но как все это можно отбросить? Выющиеся в углах тени беззвучно захохотали в ответ на ее бессвязные мысли. Шкатулка замолчала. Воцарилась тишина. Девушка медлила несколько секунд, собираясь с силами, а потом впиалась в его губы почти безумным поцелуем, сама не зная зачем укусив до крови. Это спустило крючок. Курок освободился, и чувства выстрелили, полетели сквозь тело, разрушая разум. Перед ее глазами мелькнула вспышка, и, если бы не его руки, она бы упала. Шкатулка зазвучала вновь сама собой.

* * *

...Серо-голубые глаза смотрят на нее с нежностью и любовью. Его губы несмело касаются ее губ. Их пальцы переплетены. «Я люблю тебя», — легкий шепот щекочет ей ухо. «Я люблю тебя», — так приятно шептать в ответ и падать в его объятия.

Они лежат на его куртке прямо на земле, и всюду травы. Высокие травы скрывают их. Травы знают их тайну. Травы всему свидетели. Он повторяет ее имя. Целует ладонь. Вокруг ласковая акварельная осень, без ветров и с тоннами золотистого солнечного света. Прохладно. Небо низкое, синее, полное сил. Пахнет яблоками, полынью и упоительно-горькими травами. И перекасти-поле прыгает радостно, и внутри все тоже радостно и светло.

Ему не приходилось до нее ни с кем целоваться, он неопытен, но ей это нравится. Он ничего не умеет толком и, видимо, стесняется, но его тянет к ней так же сильно, как и ее к нему. Она держит его лицо в ладонях, и смеется звонко, и...

* * *

...И тогда он словно сошел с ума. Схватил ее за плечи, больно впившись пальцами в нежную кожу, жадно отвечая на поцелуй — так, словно это был последний поцелуй в его жизни. Неистовый, болезненный, разрушительный. Сумасшедший, как и он сам. Поцелуй парализовывал. Ненавистью, отчаянием, разрушительной силой. Каждая мышца оказалась напряжена. Каждый нерв оголен. Внутри искрило. И это было похоже на борьбу.

Девушка не помнила, как потеряла контроль. Не понимала, как стала получать от происходящего удовольствие — ломкое, хрупкое, как стекло, и такое же острое, опасное. Ненормальное. Она цеплялась за напряженные плечи мужчины, вскидывала

вверх подбородок, разрешая оставлять на натянутой шее отметины, хватала его за волосы, шептала что-то совсем бессвязное. Тонула. Летела. Ее пронзало насквозь — через легкие и сердце, вниз, сквозь живот.

— Кэнди-Кэнди-Кэнди, — хрипло шептал он в перерывах между поцелуями, опалая ее кожу дыханием. — Что ты делаешь со мной, Кэнди? Слишком головокружительно...

А она, испытывая почти физическую боль, когда ее похититель отстранялся, ловила его губы и целовала вновь и вновь. Целовала так, будто любила. Но она точно знала, что ненавидит его.

Он отстранился первым и заботливо усадил девушку на стул, а она беззвучно заплакала — от неожиданного разочарования. Она попыталась вновь забраться к нему на колени, но он грубо оттолкнул ее и откинулся назад, тяжело дыша и глядя исподлобья.

Между ними повисла тишина. Тени затаились. Заулыбались. Еще несколько секунд ломки, и девушка пришла в себя, поняв, где она и что с ней. По телу, теперь уже не скованному веревками, прокатилась новая волна страха. Что на нее нашло?! Стокгольмский синдром? Тонкие пальцы коснулись горящих губ. Нет, она не могла. Нет.

Мужчина смотрел на нее с умилением, будто читал мысли. Только лиловые глаза стали еще страшнее. В них не было искр. В них не было ничего, кроме этого всепоглощающего сумасшествия.

— Отпусти, — попросила девушка едва слышно.

Надежда уходила предпоследней — вслед за ней уйдет ее душа.

— Отпусти, — легко согласился ее похититель. В его словах не было и намека на искренность. — Я обещал.

Она заломила руки. Пусть это закончится. Пожалуйста. Пусть, пусть, пусть...

— Иди, — широко махнул он рукой. И улыбнулся весело. Ямочки на его хищном лице казались совершенно лишними. — Иди же. Иди. Дверь там, — указал он пальцем с темным ногтем куда-то вправо.

Только тогда девушка поняла — что бы она ни сделала, как бы свободно ни было ее тело сейчас, он все равно убьет ее. Только сначала поиграет. И эта игра уже началась. Веревки ничего не значат. Ей не спастись. Он будет всюду. Он будет за ее спиной. Он будет в ее сердце.

— Ты тоже... — с трудом выговорила она, вспомнив всех тех, кто исчез. — Убьешь... меня тоже?

Он улыбнулся, встал, наклонился к ней, положив руку на спинку стула, и аккуратно лизнул щеку, оставляя на ней влажный след.

— Ну что ты, Кэнди. Что ты. — Лиловые глаза долго всматривались в ее испуганное лицо с потечками крови. — Что ты. Иди же.

Ее затрясло. Она замотала головой, залепетала что-то жалкое, просящее. Мужчина резко схватил ее за предплечья и рывком поставил на ноги. Как куклу. Она и была его куклой.

— Иди, — повторил он все тем же противным голосом. — Убегай. Ищи счастье, Кэнди! Со мной ты его не найдешь.

Черноволосый мужчина отошел в сторону, заложив руки за спину, и стал с интересом наблюдать, как она делает несмелые шаги, шатаясь и хватаясь руками за голую холодную стену. Это было как во сне — ноги стали ватными, движения — затрудненными, и девушка передвигалась с трудом.

У нее была цель. Собрав все силы, она вдруг нагнулась и подобрала упавший нож, о котором забыла на время безумного поцелуя. Рукоятка была ледяной, словно нож лежал в холодильнике. Но ей было все равно — девушка вскинула руку и бросилась на мужчину. Тот с хохотом поймал ее одной рукой, а второй схватил нож за лезвие, которое тотчас впилось в кожу. Легким движением он вырвал холодное оружие из тонких пальцев девушки, забросив далеко, в густую тень в самом углу.

— А я думал, ты и не вспомнишь о нем, — покачал он головой, глядя по ее лицу окровавленной рукой и не замечая, что ранен.

— Подонок! — закричала девушка, пытаясь вырваться.

Он вдруг обнял ее, как игрушку, прижимая к груди, заставляя слушать стук своего сердца. Он закрыл глаза и нежно поцеловал ее в волосы, в висок, что-то беззвучно приговаривая. А после резко отстранился и, схватив с железного столика рядом шприц, без слов вколол его содержимое в сгиб локтя замершей девушки.

Последнее, что она увидела, — огромная тень отделилась от стены и шагнула к ним, улыбаясь и снимая шляпу. Беспмятство спасло ее от безумия.

— Гадкая любовь, — шептал мужчина, покачивая и не отпуская девушку. — Гадкая, гадкая, гадкая...

«Пам-пам... Пам-пам-пам... Пам... Пам-пам-пам-пам...»

